

УДК 81.119

DOI: 10.26140/bg23-2021-1001-0077

МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР ЭТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ЗЛО» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 3321-3597

AuthorID: 1083357

ORCID: 0000-0003-2032-2165

ВАН Тяньцзяо, аспирант кафедры современного русского языка
и общего языкознания

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(603022, Россия, Нижний Новгород, Проспект Гагарина, дом 23, e-mail: 931515224@qq.com)

Аннотация. Цель: описать модели концептуальных метафор этического концепта «зло», отображенные и зафиксированные в русских фразеологизмах, через призму национально-культурных особенностей этического фрагмента русской языковой картины мира. Методы. В данной работе использован метод традиционного лингвистического анализа, метод лексико-семантического анализа и методика концептуального анализа. Результаты. В статье показано, что в числе многообразных народных представлений о мире концептом базового уровня является понятие «зло», которое соответствует всем критериям определения концептов базового уровня и выступает в качестве ориентира в нравственно-ценностной шкале – с одной стороны, с другой – в русских фразеологизмах абстрактный этический концепт «зло» может быть представлен в качестве овеществленного предмета (сущности, вещества, вещи, объекта), в том числе и конкретного предмета со специфицированными признаками (функциями, характеристиками, атрибутами): жидкого вещества (воды), испорченной еды (испорченного яблока) и товара, в качестве трехмерного контейнера и даже в качестве мифологического образа (персонажа): Бабы-Яги, дьявола и беса. Выводы. Результаты, полученные в этой статье, дают нам возможность сказать, что подобные модели концептуально-метафорического представления зла во многом показывают не только этнически обусловленные культурные особенности этического фрагмента русской языковой картины мира, отображенные в русской фразеологии, но и когнитивную специфику русского народа.

Ключевые слова: когнитивные модели, концептуальные метафоры, модели концептуальных метафор, концепты базового уровня, этические концепты, понятие «зло», фразеология, фразеологизмы, компонент ‘зло’, русская языковая картина мира.

MODELS OF THE CONCEPTUAL METAPHORS OF THE ETHICAL CONCEPT OF EVILNESS IN RUSSIAN PHRASEOLOGY

© The Author(s) 2021

WANG Tianjiao, post-graduate student of the department of modern Russian language
and general linguistics

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

(603022, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue, 23, e-mail: 931515224@qq.com)

Abstract. Objective of this article is to describe models of conceptual metaphors of ethical concept “evilness” displayed and recorded in Russian phraseology, through the prism of national-cultural specificity of ethical fragment of Russian language picture of the world. Methods. We used the method of traditional linguistic analysis, lexical-semantic analysis and conceptual analysis. Results. The paper has shown that, on the one hand, among the diverse folk concepts, the concept “evilness” is determined as a basic-level concept, because it meets all the criteria for determining the basic-level concepts and acts as a reference point in the moral and value scale. On the other hand, in Russian phraseological units, the abstract ethical concept “evilness” can be represented as a materialized object (essence, substance, thing), including a specific object with specified features (functions, characteristics, attributes): liquid substance (water), spoiled food (spoiled apple) and goods, as a three-dimensional container and even as a mythological image (character): Baba-Yaga, the Devil and the Satan. Conclusions. The results obtained in this article allow us to say that these models are conceptual and metaphorical representation of evilness, largely shows not only ethnically related cultural characteristics of the ethical fragment of Russian language picture of the world, displayed in Russian phraseology, but also the cognitive specificity of Russian people.

Keywords: cognitive models, conceptual metaphors, models of the conceptual metaphors, basic-level concepts, ethical concepts, notion “evilness”, phraseology, phraseological units, component ‘evilness’, Russian language picture of the world.

ВВЕДЕНИЕ

Тот общепризнанный факт, что в научной парадигме когнитивной лингвистики тенденция исследования метафоры уже отошла от воззрений на нее как на риторическую фигуру в качестве стилистического тропа [1, р. 153], как на лексико-семантическое средство в качестве словесного обозначения [2, с. 135], дает нам возможность говорить о метафоре как об особо важной когнитивной стратегии, использованной в процессе осмысления действительности. Если с когнитивной точки зрения исследуются метафоры, то можно так сказать, что в теории концептуальной метафоры [3] суть метафоризации заключается в осмыслении одного концепта в терминах другого концепта, более сложного явления — в терминах более простого, уже известного в опыте человека явления [4, р. 7]. Другими словами, концептуальные метафоры способствуют осуществлению концептуализации нового онтологического явления по аналогии с уже сложившейся системой понятий [5, с. 89].

Что касается концептуализации, то необходимо указать на ее результаты — концепты, которые по сути

своей являются не только содержательными единицами сознания [6, с. 90], оперирующими поступающей к человеку информацией по разным каналам, но и сгустками культурной среды в сознании человека [7, с. 42], воплощающими этнически обусловленные национальные представления и культурные реалии, которые стоят за разными языковыми единицами и выражениями. Здесь следует отметить, что в числе многообразных представлений о мире особо важными являются этические концепты, которые, по природе, представляют собой аксиологически маркированные ментальные единицы, ориентированные на нравственную составляющую совокупного духовного мира личности и народа [8, с. 1036].

Мы знаем, что в современной лингвокультурологии довольно особое место занимают фразеологизмы, потому что они, являясь воспроизводимыми в готовом виде языковыми единицами, рассматриваются как носители культурных смыслов нации, которые содержат информацию о культурно-национальной рефлексии субъекта [9, с. 6]. Таким образом, русские фразеологизмы с компонентом ‘зло’ и с другими компонентами соответствую-

ющей семантики рассматриваются как языковые материалы для исследования в нашей научной работе.

В настоящее время проблеме изучения когнитивных моделей народных концептов посвящены многочисленные научные исследования, в том числе Л.Н. Мирошниченко [10], Е.С. Милькевича [11], Ж.Ж. Капеновой [12], Х.У. Сайдуллаевой [13], М.Е. Чижовой [14] и др. [15, 16]. Однако здесь следует отметить, что проблеме изучения когнитивных моделей этических концептов, которые закреплены в русской фразеологии и паремиологии, посвящены только научные исследования Вана Тяньцзяо [8, 17, 18], в которых исследовательское внимание в основном акцентируется на когнитивных моделях этического концепта «добро». В связи с этим имеет смысл проводить исследование когнитивных моделей этического концепта «зло», противоположного понятию «добро», в русских фразеологизмах.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью исследования является описание моделей концептуальных метафор этического концепта «зло», которые отображены и зафиксированы в русских фразеологизмах, через призму национально-культурных особенностей этического фрагмента русской языковой картины мира.

Для достижения поставленной выше цели нам необходимо решить следующие задачи: 1) определить понятие «зло» как концепт базового уровня в числе многообразных народных представлений о мире; 2) создать и описать модели концептуальных метафор этического концепта «зло», выраженные в русской фразеологии с компонентами 'зло', 'лихо' и 'худо'; 3) создать и описать модели концептуальных метафор этического концепта «зло», отображенные в русских фразеологизмах, которые в своем составе не имеют вышепоказанных компонентов и значение которых непосредственно связано с этикой.

Для описания моделей концептуальных метафор этического концепта «зло», запечатленных в русской фразеологии, в статье применяются следующие методы исследования: метод традиционного лингвистического описания, метод лексико-семантического анализа и методика концептуального анализа [17, с. 209].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Выше уже было показано, что этические концепты занимают довольно особое место в концептуальной системе русского народа, поэтому здесь имеется необходимость уделять внимание понятию «зло», которое не только является прототипом в рамках этики, но и находится на базовом уровне категоризации. Поскольку это понятие соответствует всем критериям определения концептов базового уровня: 1) целостность в чувственном опыте; 2) легкая выделяемость на психологическом уровне; 3) приоритетность; 4) типичная реакция на стимулы; 5) частая употребляемость в речевом общении; 6) ключевая значимость; 7) ведущая роль в организации знаний и опыта [19, р. 129-130]. В связи с этим мы приходим к возможно-принятому пониманию концепта «зло»: зло — это некий инвариант, возникающий в коллективном языковом сознании носителей языка в рамках ключевой идеи русской языковой картины мира 'нюансы человеческих отношений' [20, с. 11]; это субъективное нравственное представление, имеющее своим источником совесть, но с отрицательным знаком (то, что не принимается совестью) [21, с. 262-263]; это крайний отрицательный член в ценностной шкале «хорошо — плохо», отражающий также моральный тип ценностей: то, что приносит другому вред, ущерб, либо материальный, либо психологический, а себе — духовный дискомфорт.

Таким образом, этический концепт «зло» совместно с его языковым воплощением, т.е. одноименной лексемой 'зло', попадает в сферу нашего исследования. Но здесь нелишне будет указать, что не только слово 'зло', но и его синонимы 'худо' и 'лихо', представляя собой языковое воплощение этического концепта «зло», в свя-

зи с чем вполне возможно включение в рассмотрение и фразеологизмов с этими словами.

Сейчас перейдем к лингвокогнитивному анализу моделей концептуальных метафор этического концепта «зло», которые выражены именно в русских фразеологизмах, входящих в концептуально-метафорические модели представления о зле в русской языковой картине мира.

Первая когнитивная модель, попавшая в сферу нашего исследования, — это модель овеществления абстракции этического концепта «зло», т.е. модель представления зла как реального конкретного предмета, реализованная в явном виде именно в русских фразеологизмах: *держат зло на к.-л., причинить зло к.-л., хватить / хлебнуть лиха* и пр. То, что является практически общепринятым тот факт, что этический концепт «зло» по сути своей служит примером абстрактной сущности умопостигаемой природы, позволяет нам осмыслить концепты такого типа в терминах реального конкретного предмета, который формируется на основе непосредственного эмпирического опыта телесного взаимодействия с окружающей средой. Эта метафоризация может быть показана следующим образом:

Фразеологическое значение — *принести другим психологический и/или физический вред и/или ущерб* [22, с. 706-707; 23, с. 723];

Когнитивная стратегия — *концептуальная метафора «зло есть реальный конкретный предмет»;*

Исходный домен — *концепт «реальный конкретный предмет»;*

Целевой домен — *этический концепт «зло»;*

Направление метафорического проецирования — *от концепта «реальный конкретный предмет» на концепт «зло».*

Таким образом, посредством данной когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «зло есть реальный конкретный предмет», когнитивные признаки последнего были подсознательно и даже бессознательно применены к описанию и пониманию предыдущего в понятийной системе русского народа. При этом можно так сказать, что носители русского языка, оперирующие этими фразеологизмами, не только осознают когнитивные признаки концепта «зло», но и руководствуются этим пониманием и в своей повседневной жизни, и в практическом поведении.

Вторая когнитивная модель, оказывающаяся в фокусе нашего исследовательского внимания, — это субмодель первой когнитивной модели, т.е. модель представления зла как конкретного предмета со специфицированными характеристиками (функциями, атрибутами, признаками) [17, с. 211] (в данном случае — это жидкое вещество типа воды), отображенная именно в русском фразеологизме с компонентом 'лихо' *хватить / хлебнуть лиха*.

Злу в этом случае могут быть приписаны свойства (атрибуты, функции, признаки, характеристики), в норме присущие жидкости, чаще всего — воде, потому что она представляет собой прототип (представительный член) в концепте «жидкость». Несмотря на тот общепризнанный факт, что в повседневной жизни вода играет немаловажную роль для человека и остальных живых существ, т.е. без воды вообще не будет никакой жизни в нашей планете, необходимо указать на вредность воды для человека: если он пьет слишком много воды, далеко превосходящую свою потребность, то ему обязательно принесен вред как физический, так и психологический. Данная метафоризация может быть проиллюстрирована следующим образом:

Фразеологическое значение — *много испытать, перенести, намаяться* [23, с. 723];

Когнитивная стратегия — *концептуальная метафора «зло есть вода»;*

Исходный домен — *концепт «вода»;*

Целевой домен — *этический концепт «зло»;*

Направление метафорического проецирования — от концепта «вода» на концепт «зло».

Из этого совершенно ясно, что познание абстрактных концептов типа зла в терминах воды, знания о которой уже давно и глубоко укоренились в сознании человека, осуществляется подсознательно и также бессознательно в когнитивной деятельности человека. Так, например, в китайской языковой картине мира есть прецедентный текст, выглядящий следующим образом: 水能载舟亦能覆舟 (шуй нэн цай чжоу и нэн фу чжоу), и обозначающий смысл 'вода может нести лодку, а может и опрокинуть ее'. В этой связи и в русском фразеологизме *хватить / хлебнуть лиха* отражается модель подобного представления зла как воды, которая приносит человеку горе, несчастье. Также отметим, что глаголы *хватить* и *хлебнуть* как раз являются глагольными языковыми репрезентантами модели метафоризации «зло есть вода», так как они являются аспектами концептуальной модели действия *выпить* (кстати, в русском языке слово *хватить* служит еще и языковым воплощением концептуального действия *съесть*, что дает нам возможность выявить следующую когнитивную модель).

Третья когнитивная модель, проявляющаяся в нашем исследовании — это модель концептуально-метафорического представления зла как испорченной еды, которая в явном виде отражена, как выше было представлено, именно в русском фразеологизме *хватить лиха*. Из опыта этнического восприятия действительности довольно хорошо известно, что еда совместно с водой и воздухом является необходимым элементом для существования человека, поэтому совершенно естественно использовать для номинации абстрактных концептов гастрономический код. Во фразеологизме *дерево познания добра и зла* видим концептуальную метафору «зло есть испорченное яблоко», в которой уже рассматривается зло как особый тип еды, поэтому есть полное основание отнести метафору «зло есть испорченная еда» к категории вышестоящего уровня, и метафору «зло есть испорченное яблоко» к категории базового уровня, которая полностью относится к предыдущей категории. Именно это позволяет нам рассмотреть зло как испорченную еду, потому что зло, как плохая еда, приносит только вред.

Прежде чем перейти к следующей когнитивной модели нам еще необходимо сказать несколько слов о фразеологизме *хлебнуть лиха*. Как уже говорилось ранее, фразеологизмы сами по себе являются особым типом единицы языка, поэтому фразеологическая единица *хлебнуть лиха*, в свою очередь, представляет собой синоним к другой фразеологической единице (*узнать / понять*), почему *фунт лиха*, в которой имеется большая возможность создать другую когнитивную модель, т.е. концептуальную метафору этического концепта «зло», находящуюся на базовом уровне категоризации и основывающуюся на первой когнитивной модели «зло есть конкретный реальный предмет», которая находится на вышестоящем уровне категоризации.

Четвертая когнитивная модель, исследуемая в нашей работе, — это модель концептуально-метафорического представления зла как товара, имеющего вес, которая реализована в русском фразеологизме (*узнать / понять*), почему *фунт лиха*. Нет сомнения, что в русском языке слова *почем* и *фунт* используются для номинации фрейма 'продажа и покупка товаров' с целью описания целостного процесса обмена товаров, что позволяет нам выявить модель концептуальной метафоризации «зло есть товар». Другими словами, зло получает возможность количественного измерения. Эта метафоризация выглядит следующим образом:

Фразеологическое значение — (*узнать, понять*) как *тяжело в горе, как тяжелы испытания, беды и т.п.* [23, с. 717];

Когнитивная стратегия — концептуальная метафора «зло есть товар»;

Исходный домен — концепт «товар»;

Целевой домен — этический концепт «зло»;

Направление метафорического проецирования — от концепта «товар» на концепт «зло».

Здесь нельзя не отметить, что у выше указанной импликации есть еще важная импликация, согласно которой адресант (отправитель зла) в конце концов обязательно получает зло по заслугам, потому что если зло в данной модели рассматривается как товар, то его продажа и покупка всегда требуют оплаты от как адресата (зло-получателя), так и адресанта (зло-творителя, зло-отправителя). Таким образом, этический концепт «зло» посредством данной когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «зло есть товар», входит в русскую языковую картину мира этноса.

Пятая когнитивная модель, изучаемая в данном исследовании, — это модель концептуально-метафорического представления зла как контейнера, которая в явном виде выражена в русской фразеологии с компонентом 'зло'. Несомненно, что в языковом сознании русского народа познание абстрактных концептов типа зла осуществляется часто в терминах контейнеров, потому что вместилища какого-либо содержимого представляют собой настолько обычный предмет в повседневной жизни, что люди вообще специально не обращают внимание на них. Другими словами, знания об устройстве «контейнеров», полученные из взаимодействия человека с этим типом предметов, подсознательно и даже бессознательно используются для познания абстрактных концептов. Контейнеры по сути своей являются трехмерной структурой с внутренним пространством, т.е. можно входить в них и выходить из них, поместить в них разные вещи. Так, в русском языке пространственные предлоги типа *в* и *из*, которые часто сочетаются с существительными, обозначающими контейнеры, дают нам возможность включить в описание и модель концептуальной метафоры «зло есть контейнер», эксплицитно воплощенную во фразеологизмах типа *употреблять / употребить во зло, со зла*.

Шестая когнитивная модель, принимаемая в наше исследовательское внимание, — это модель концептуально-метафорического представления зла как мифологического образа (персонажа). В данном случае мифологическим образом (персонажем) служит *Баба-Яга*, которая обычно изображается в виде большой горбатой старухи с большим, длинным, горбатым и крючковатым носом и обозначает злость, зло и болезнь. Рассмотрение зла как Бабы-Яги еще мотивируется тем, что идеей, которая первая приходит человеку в голову, когда упоминается Баба-Яга, являются представления о злости и болезни. В связи с этим данная метафоризация выглядит следующим образом:

Фразеологическое значение — *злая и безобразная старуха-колдунья, едущая в ступе и заматающая след мелом* [22, с. 33];

Когнитивная стратегия — концептуальная метафора «зло есть Баба-Яга»;

Исходный домен — мифологический концепт «Баба-Яга»;

Целевой домен — этический концепт «зло»;

Направление метафорического проецирования — от концепта «Баба-Яга» на концепт «зло».

Мифологическим образом (персонажем) зла еще может служить дьявол (бес), т.е. мы вполне можем говорить и о модели концептуальной метафоры «зло есть дьявол (бес)», которая тоже в явном виде отображена в русском фразеологизме *нечистая сила*. Также за этим фразеологизмом стоит еще и другая когнитивная модель, т.е. концептуальная метонимия «часть вместо целого». Это, конечно, тоже можно проиллюстрировать следующим образом:

Фразеологическое значение — *по суеверным представлениям: дьявол, сатана, черт и т.п.* [23, с. 616];

Когнитивная стратегия — концептуальная метафора «зло есть дьявол (бес)» и концептуальная метонимия

«нечистая сила вместо дьявола (беса)»;

Исходный домен — мифологический концепт «дьявол (бес)»;

Исходная часть метонимии — «нечистая сила»;

Целевой домен — этический концепт «зло»;

Целевая часть метонимии — целый концепт «дьявол (бес)»;

Направление метафорического проецирования — от концепта «дьявол (бес)» на концепт «зло»;

Направление метонимического проецирования — от части «нечистая сила» на целый концепт «дьявол (бес)».

Итак, можно сказать, что шестая когнитивная модель, по существу дела, является довольно сложной моделью, включающей в себя несколько субмоделей: «зло есть Баба-Яга», «зло есть дьявол (бес)» и «нечистая сила вместо дьявола (беса)». Другими словами, данная когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «зло есть мифологический образ (персонаж)» находится на вышестоящем уровне категоризации, и ее субмодели, т.е. концептуальные метафоры «зло есть Баба-Яга» и «зло есть дьявол (бес)» и концептуальная метонимия «нечистая сила вместо дьявола (беса)», — на базовом уровне категоризации.

ВЫВОДЫ

В заключение отметим, что в ходе описания моделей концептуальных метафор этического концепта «зло», выраженных и запечатленных в русской фразеологии с компонентом 'зло' и с другими компонентами соответствующей семантики, мы получаем возможность говорить о некоторых представлениях о зле в русской языковой картине мира этноса. Это прежде всего модели овеществленного представления зла как реального конкретного предмета, в том числе и конкретного предмета со специфицированными признаками (функциями, атрибутами, характеристиками), т.е. как жидкого вещества (воды), испорченной еды (испорченного яблока) и товара, трехмерного представления зла как контейнера и даже мифологического представления зла как сверхъестественных существ, т.е. как Бабы-Яги, дьявола и беса. При этом можно с уверенностью сказать, что в русских фразеологизмах, которые включают в себя этический концепт «зло», отражаются не только форматы энциклопедического знания о зле, его когнитивные модели метафоризации и метонимизации, но и способы видения абстрактных понятий типа зла через призму конкретно-чувственного опыта их переосмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ungerer F., Schmid H.J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. 384 p.
2. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // *Вопросы языкознания*. 1990. № 3. С. 135-146.
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, London: the University of Chicago Press, 2003. 276 p.
4. Kovecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford: the Oxford University Press, 2010. 375 p.
5. Панкратова С.А. Когнитивно-семантические аспекты метафорического моделирования // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 87. С. 88-99.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 145 с.
7. Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры*. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
8. Ван Тяньцзяо. Модели концептуальной метафоризации в русских фразеологизмах с компонентом 'добро' // *Когнитивные исследования языка*. 2019. № 37. С. 1035-1040.
9. Телия В.Н. *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
10. Мирошниченко Л.Н. Трансформация заимствованных когнитивных структур, вербализованных иноязычными спортивными терминами, с сохранением исходной структуры концепта-прототипа // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2018. № 1 (28). С. 88-92.
11. Милькевич Е.С. Когнитивные модели метонимии с концептом "hollywood" (корпусный анализ) // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2020. № 2. С. 63-70.
12. Капенова Ж.Ж. Структура звездных концептов: признаки и

когнитивные модели // *Гуманитарный вектор*. 2016. Т. 11. № 3. С. 67-74.

13. Сайдуллаева Х.У. Семантико-когнитивная модель концепта жизнь (life, ҳаёт) в английском и узбекском языках // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017. № 1-3. С. 172-174.

14. Чижова М.Е. Термин "концепт" в современной когнитивной лингвистике (с рассмотрением концептов здоровье и нездоровье) // *Тенденции развития науки и образования*. 2020. №. 59-3. С. 81-84.

15. Рахматуллина Д.Р. Когнитивные модели и лингво-когнитивный анализ в переводоведении // *Филологический аспект*. 2019. № 4 (48). С. 91-98.

16. Олешкова А.М. Когнитивные и этические основания дискурса и дискурс-анализа // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 8 (76). С. 23-25.

17. Ван Тяньцзяо. Модели концептуальной метафоризации и метонимизации в русских фразеологизмах с компонентом 'добро' // *Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2019. № 5. С. 209-213.

18. Ван Тяньцзяо. Когнитивные модели в русской паремииологии с компонентом 'добро' // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2020. №4. <https://sfk-mn.ru/PDF/01FLSK420.pdf>. Дата обращения: 10.11.2020.

19. Wang Yin. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. Chongqing: the Chongqing Press, 2005. 404 p.

20. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

21. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка. Том четвертый*. Р – Ижица. М., СПб.: Издание книгопродавца – типографа М. О. ВОЛЬФА, 1882. 704 с.

22. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка. Том первый*. А – З. М., СПб.: Издание книгопродавца – типографа М. О. ВОЛЬФА, 1880. 723 с.

23. Федоров А.И. *Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц*. 3-е изд., испр. М.: Астрель : АСТ, 2008. 878 с.

Статья поступила в редакцию 16.10.2020

Статья принята к публикации 27.02.2021